

Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе

В.М. Аллаhverдов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поступила 16 сентября 2016/ Принята к публикации: 27 сентября 2016

Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship

Victor M. Allakhverdov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Received: September 16, 2016 / Accepted for publication: September 27, 2016

Делается попытка подвести итоги взаимодействия двух самых крупных психологических школ в России – психологических школ Москвы и Санкт-Петербурга. Это всего лишь зарисовка, посвященная 50-летию юбилею психологических факультетов Москвы и Петербурга, а не исторический труд. Сложные отношения между психологическими школами, берущие начало в далеком прошлом, прошли через разные исторические этапы. Противостояние славянофильской и западнической традиций сказалось на исходном различии этих школ. Возникла оппозиция: или мы изучаем человека во всей его полноте, со всем богатством его субъективного опыта, но теряем в надежности наших высказываний (московский акцент), или мы изучаем человека точно, объективными методами, но теряем в целостности наших представлений (акцент петербургский). Обе психологические школы, пережив подъемы и спады, сохранили свою самобытность и свой акцент в исследованиях. Москвичи в своих исследованиях чаще ориентируются на более крупные проблемы и до сих пор опираются на масштабные идеи Выготского–Леонтьева. Петербуржцы более конкретны, более эмпиричны, но все-таки продолжают с тоской и надеждой думать о создании общей концепции человека, к чему их призывал Ананьев. Сегодня между двумя школами нет никакого противостояния, а лишь одна взаимная любовь.

Ключевые слова: история психологии, психологические школы, психологические организации, личности в отечественной психологии.

The paper is an attempt to summarize the interaction of the two largest schools of psychology in Russia: the psychological schools of Moscow and St. Petersburg. The paper is a sketch dedicated to the 50th anniversary of the psychological faculties of Moscow and St. Petersburg, and should not be appreciated as a historical treatise. Tense ties between the psychological schools, that originate in the distant past, have gone through different historical stages. Slavophile Westernizer traditions affected the initial difference in these schools emerging into the opposition: either the human being is studied entirely with his/her vast subjective experience, but losing the reliability of our statements (peculiarity of Moscow school), or we study the human being accurately using objective methods, but losing the integrity of our ideas (peculiarity of St.-Petersburg school). Both psychological schools, having gone through the ups and downs, have retained their identity and their emphasis on research. Moscow scholars in their studies are aimed to larger issues and still rely on large-scale Vygotsky-Leontiev approach. Scholars of St.-Petersburg touch upon more specific issues using empirical methods, but still continue with nostalgia and hope making plans about creating a common concept of human individual according to Ananiev. Nowadays between the two schools there is no opposition, but only one mutual love.

Keywords: history of psychology, psychological schools, psychological organization of personality in Russian psychology.

И Петербург, и Москва — это две стороны или, лучше сказать, две односторонности, которые могут со временем образовать своим слиянием прекрасное и гармоничное целое, привив друг другу то, что в них есть лучшего.

В. Белинский

В связи с 50-летним юбилеем психологических факультетов Москвы и Петербурга я рискнул подвести итоги взаимодействия двух самых крупных психологических школ в России. Наверное, тон статьи покажется не во всем юбилейным, но ведь важно помнить не только достигнутые успехи (их, разумеется, немало, и они более-менее хорошо известны), но и те трудности, а иногда и тот ужас, которые пришлось преодолевать. Это всего лишь зарисовка, а не исторический труд. Она отражает мое понимание и опирается на то, что читал или слышал от других, а также на то, что сам видел и знаю.

Прелюдия. Противостояние Москвы и Петербурга

Москва со времен Ивана III осознала себя Третьим Римом. Ну, а раз Рим, то в Москве сразу нашли семь холмов, на которых она, якобы, построена. В качестве символа государства на Руси приняли двуглавого орла – герб Византийской империи. Нашли сходство планов Кремля и Иерусалима. Дабы это сходство подчеркнуть, на Красной площади соорудили Лобное место – символ Голгофы. Москва становится не просто столицей, а нравственно-религиозным и духовным центром страны. Отсюда и неприятие ею всего иностранного (хотя при этом именно иностранцы строят ее главные архитектурные памятники) и опора на традиции, освященные временем.

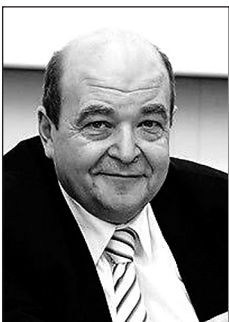
Петр построил Санкт-Петербург как пощечину боярской Москве, которую ненавидел и где, по словам А.С. Пушкина, он «на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков» (Пушкин, 1964, С. 275). Вопреки здравому смыслу, он построил столицу на отдаленной границе империи, чем весьма изумлял иностранцев (Дидро писал Екатерине: «Страна, в которой столица помещена на краю государства, похожа на животное, у которого сердце находится на кончике пальцев»), на столь далеком севере, что там до сих пор нет других городов-миллионников, на болоте, где нельзя жить и невозможно строить, ведь там нет строительных материалов (Аллахвердов, 2009). Однако Петербург изначально был задуман Петром как унижение Москвы. Мол, даже на краю земли, в болотной сырости и холоде все равно лучше, чем в Москве. Само название – город Святого Петра, т.е. Рим, – пародировало претензии Москвы на статус Вечного города. В 1714 г. это унижение подчеркнул указ «О запрещении на несколько лет строить во всем Государстве каменные дома» во всех городах, кроме Петербурга. А унижение, как хорошо знают психологи, не прощают, оно эмоционально даже усиливается в следующих поколениях.

Петр Европу толком не знал. Но он хотел привнести в жизнь страны то полезное, что он связывал с Европой: организацию регулярного государства и технологические знания. Он также понимал,

что все его новации быстро заглохнут под влиянием традиций и православной демагогии, если их не поддержать мощной пропагандистской кампанией. Для этого европейская жизнь должна была стать престижной. А что может быть престижнее столицы? К тому же в ней легче решать любые организационные и финансовые вопросы. Н.В. Гоголь пишет: «В Москву тащится Русь с деньгами в кармане и возвращается налегке – в Петербург едут люди безденежные и разъезжаются во все стороны света с изрядным капиталом» (Гоголь, 1952, С. 177). А позднее напишет В.М. Бехтерев, перебравшийся в Петербург из Казани: «... столица и отдаленный провинциальный город – дистанция огромного размера в смысле масштаба научно-практической и, особенно, общественной деятельности» (Бехтерев, 1994, С. 29).

Петру важно было, чтобы построенный им город как можно меньше походил на Москву. Отсюда, например, странная в столь северном городе ориентация на южно-италийскую архитектуру. И столь же странное требование Петра, чтобы дома в Петербурге примыкали друг к другу. Для русского человека такие дома были совершенно невероятны, но, впрочем, так не строились и большие города в Европе. В Париже подобное появилось только в 30-х гг. XIX в. В итоге новоиспеченная столица поражала инаковостью, что подавалось населению как нечто европейское.

Москве, тем не менее, передается важная государственная функция охраны традиций. Вехи в жизни царствующей семьи: рождение, бракосочетание, венчание на царство и т.д. отмечаются в Москве. «Москва – сердце, а Петербург – голова», – популярная присказка XIX столетия. Петербург и петербуржцев в России не любят за чопорность, снобизм, скарденность, черствость. Говорят: «Петербург – это не Россия». А вот Москву, освобожденную от статуса реальной столицы, называют «родной», «радушной», «хле-

Виктор Михайлович Аллаxвердов –
доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой общей психологии факультета
психологии Санкт-Петербургского государственного
университета.
E-mail: vimial@gmail.com

босольной», «святой». Противостояние европейского (у Пушкина – «надменно-го») Петербурга и традиционной русской (у Пушкина – «старушки») Москвы так описано Н.В. Тоголем: «Петербург – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин и, если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане; она не любит середины» (Тоголь, 1952, С. 177).

Следствием всего этого становится идеологическое противостояние: Москва порождает славянофилов, а Петербург – западников.

Начало. Главная оппозиция психологических школ

В Москве, в удалении от столицы вольнее дышится. Об этом хорошо говорит А.С. Пушкин в 1834 г.: «Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы» (1964, С. 276). Именно там в 1755 г. возникает первый в России крупный университет.¹ Поэтому же в менее связанной с государственной машиной Москве в 1885 г. создается и первое психологическое общество в стране. С 1889 г. при обществе начинает издаваться до сих пор с интересом читаемый журнал «Вопросы философии и психологии» под редакцией Н.Я. Грота. В почетный комитет первого международного психологического конгресса в Париже в 1889 г. в качестве представителей России вошли только профессоры из Москвы.

Однако в стольном Петербурге проще решать организационные вопросы. Поэтому первые организационные успехи – за Питером. Там в 1907 г. В.М. Бехтерев открывает Психоневрологический институт (где студентам общую психологию читает А.Ф. Лазурский, сравнительную психологию – В.А. Вагнер, психологию мифа – Д.Н. Овсянко-Куликовский). В Москве же торжественное открытие Пси-

хологического института состоялось лишь в 1914 г. Впрочем, на сайте института сегодня можно прочесть, что московский институт – первый в России психологический институт. И это можно считать правдой – ведь у Бехтерева «психоневрологический»!

Противостояние славянофильской и западной традиции сказалося на исходном различии психологических школ. Первые психологические звезды Москвы – в основном, выходцы из идеалистической философии, их волнует, как правило, проблема целостного человека, а не модные позитивистские устремления Запада. Конечно, были и в Петербурге похожие мыслящие ученые, например, А.И. Введенский, скептически относившийся к возможностям экспериментальной психологии, утверждавший, что научная психология возможна лишь как описательная наука. Но тон задавали двое соперничающих между собой прародителей бихевиоризма – И.П. Павлов и В.М. Бехтерев. («Объективная психология» Бехтерева на несколько лет предвосхитила знаменитый манифест Дж. Уотсона). Не удивительно, что даже в 1929 г. еще совсем юный последователь Бехтерева Б.Г. Ананьев

Б.Г. Ананьев в начале своего пути в большую науку

петербургский). Идеология, всюду проникавшая вслед за революционными преобразованиями, вначале приняла московскую окраску – раз субъективный опыт формируется социумом и культурой, то, изменяя их, можно создать иной

Так возникла оппозиция: или мы изучаем человека во всей его полноте, со всем богатством его субъективного опыта, но теряем в надежности наших высказываний (московский акцент), или мы изучаем человека точно, объективными методами, но теряем в целостности наших представлений (акцент петербургский)

ев – будущий глава ленинградской психологической школы сравнивал психологию с алхимией и отказывал ей в праве на существование (Зинченко, 2012). Позднее он, разумеется, существенно изменил свои взгляды.

Так возникла оппозиция: или мы изучаем человека во всей его полноте, со всем богатством его субъективного опыта, но теряем в надежности наших высказываний (московский акцент), или мы изучаем человека точно, объективными методами, но теряем в целостности наших представлений (акцент

субъективный опыт, а, тем самым, нового и гораздо лучшего человека – строителя коммунизма.²

Послереволюционный подъем и последующая катастрофа

Большевики перенесли столицу в Москву – им претил чиновный Петербург, столь грозно напоминающий о былом царском величии. И быстро изменяется отношение к этим городам. Для многих уже Москва становится символом

¹ Созданный в Петербурге в 1724 г. по указу Петра небольшой Академический университет только в 1990-е гг. стал рассматриваться как преемник Санкт-Петербургского университета, отмечившего в связи с этим в 1999 г. свое 275-летие. Однако еще в 1969 г. я, тогда студент Ленинградского университета – принимал участие в праздновании его 150-летия со дня учреждения Александром в 1819 г.

² В.П. Зинченко, на мой взгляд, не совсем прав, считая, что А.Н. Леонтьев использовал недозволительный прием аргументации, когда – уже во время войны, на заседании Ученого совета МГУ – обратился к С.Л. Рубинштейну: «Вы не понимаете, что острота зрения советского летчика выше, чем острота зрения фашистского летчика» (Зинченко, 2002). Я думаю, Леонтьев выражал не только свое мнение, но и принятую им идеологию.

Борис Герасимович - внимательный слушатель

тупого и бездушного чиновничества. Ее теперь не любят за снобизм и скаредность. Начинают говорить, что Москва – это не Россия. В общем, весь набор эпитетов, ранее адресованный Петербургу, дарится Москве. Соответственно меняется и отношение к Петербургу. Дух Запада придал городу нежданную сладость инакомыслия. (Не зря Сталин не доверяет Петербургу и организует «Ленинградское дело»). Петербуржцы же, раз они не погнались за карьерой и другими прелестями столичной жизни, воспринимают

ся в России как настоящие интеллигенты. Петербург почти официально объявляется культурной столицей России, т.е. носителем ее духовных ценностей.

Революция, как и полагается любой революции, принесла много бед. Но она принесла и период послереволюционной эйфории, когда ранее невозможное становится возможным. Думается, А.Р. Лурия не совсем лукавил, когда писал, подводя итоги: «Все мое поколение было проникнуто энергией революционных изменений – освобожденной энер-

Б.Г. Ананьев наблюдает за работой тахистоскопа

гией, ощущаемой людьми, являющимися частью того общества, которое смогло в течение короткого отрезка времени совершить колоссальный скачок по пути прогресса» (Лурия, 1982, С. 5). В науку врываются новые идеи – например, стремительно возрастает популярность психоанализа. Появляются и новые люди со своими оригинальными взглядами. И, конечно же, чаще они появляются в столице. В 1924 г. приехавший из Казани 22-летний А.Р. Лурия – но уже ученый секретарь Психологического института в Москве! – слушает доклад на конференции 27-летнего Л.С. Выготского «Сознание как предмет психологии» и сразу приглашает его – формально провинциального литературоведа и театрального критика – на работу в свой институт. Так Выготский начинает свой короткий жизненный путь мировой психологической звезды. А в Ленинград из Одессы в 1930 г. переезжает С.Л. Рубинштейн.

Однако эйфория длилась недолго. Время подъема постепенно перешло во времена хруста костей.

Марксизм становится тотальной идеологией (в самом своем догматическом виде). Выготского – убежденного марксиста, но понимавшего, что Маркс не был психологом и марксистскую психологию еще надо строить, а не искать готовых ответов у Маркса – на долгие годы перестают издавать и вспоминать. А то, что российский психоанализ развивался под патронажем Л. Троцкого, привело к официальному признанию психоанализа ложной буржуазной наукой (со всеми вытекающими для психоаналитиков последствиями). Появляется и, что опаснее, подкрепляется новая мораль. В 1923 г. ученик Г.И. Челпанова К.Н. Корнилов обвиняет своего учителя в том, что он до сих пор считает психологию наукой о душе. Это еще можно было бы отнести к борьбе идей, если бы он не направил свои обвинения в ЦК ВКП(б), что уже можно назвать доносом (Зинченко, 2012). После чего К.Н. Корнилов сам становится директором института. (Но, разумеется, не все вели себя подобным образом – начинавший успешную карьеру А.А. Смирнов в ответ на отстранение Г.И. Челпанова от руководства уходит из института (Ждан, 2011), но, в конце концов, в 1945 г. станет его директором).

Для цитирования: Аллахвердов В.М. Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

For citation: Allakhverdov V.M. (2016). Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship. *National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskiiy zhurnal]*, 3, 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

Совсем плохо стало после Постановления ЦК ВКП(б) 1931 г. под замечательным названием «Все силы научных работников – на теоретическую разработку проблем социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата». Б.С. Братусь приводит фрагмент резолюции, принятой вслед за этим партийной конференцией Государственного института психологии, педологии и психотехники в 1931 году: «Стоит задача разгрома и уничтожения остатков буржуазных теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству и служащих протаскиванию чуждых идей под видом якобы диалектико-материалистических» (Братусь, 2005. С. 125). Особенный удар пришелся по москвичам. Братусь резюмирует: «Кто спасся тем, что заранее переехал в провинцию, подальше от столичного внимания (харьковская группа А.Н. Леонтьева), кто тем, что публично каялся в своих «ошибках» и «заблуждениях» (Л.В. Занков), кто тем, что срочно перешел в другую профессию» (там же, 2005. С. 126).

Ну, а уж что началось в Москве после Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 1936 г.! В.Ф. Петренко напоминает, какие тексты появлялись в это время: «Выготский умер, но остались самые злобные его ученики – Леонтьев, Лурия и Шиф» (Логинова, 2006, С. 97). Оппонент Л.С. Выготского А.Б. Залкинд скончался от разрыва сердца, выйдя на улицу с партийного собрания, где зачитали постановление ЦК ВКП(б). Ему еще повезло, сообщает комментатор (Корсаков, 2010). Ряд крупных психологов (А.К. Гостев, Н.И. Шпильрейн и др.) расстреляны, многие лишены ученых степеней, сняты с постов и репрессированы. Стали травить П.П. Блонского и, на всякий случай, арестовали двух его сыновей.

В Ленинграде полегче, но тоже плохо. Правда, И.П. Павлов в трамвае, по дороге на работу, позволяет себе громко ругать советскую власть и ему это сходит с рук. Однако в 1927 г. внезапно умирает Бехтерев. И ползут слухи – отравлен, то ли потому, что поставил диагноз Ленину – «сифилис мозга», то ли потому, что поставил диагноз Сталину – «сухорукий параноик». Заодно начинается борьба с

«бехтеревщиной». Испуганный профессор М.Я. Басов в 1931 г. сам снял себя со всех постов и добился «социалистической командировки» – стал рабочим Ленинградского станкостроительного завода. (Как сказала мне его внучка: «А что он мог сделать? Ведь у него – семья»). А.П. Нечаев в 1935 г. сослан в Казахстан. А вот для В.Н. Мяснищева все ограничилось обвинением в перенесении в советскую педагогику взглядов буржуазной антинаучной педологии (Карвасарский и др., 2012).

Война изменила положение психологов. Они оказались нужными. В Москву вернулся А.Н. Леонтьев, в нее переезжает С.Л. Рубинштейн и даже получает Сталинскую премию. Вводится преподавание психологии в школе. Появляются психологические отделения при философских факультетах университетов Москвы (1943 г.) и Ленинграда (1944 г.). Но затем последовала печально известная Павловская сессия Академии наук, поставившая экзотическую задачу перестройки всей психологии на основе павловского учения (а Павлов, как известно, запрещал своим сотрудникам использовать психологическую терминологию). В довершение началась борьба с космополитизмом.

«Вождистский» стиль управления в государстве вел к появлению вождей во всех сферах деятельности. Вождь должен быть признанным лидером в своей области и, в то же время, хотя бы слегка побитым в процессе репрессий, что-

бы чувствовал границы, которые не стоит переходить. Так, в музыке, например, одним из признанных вождей становится битый-перебитый в кампаниях борьбы с формализмом Д. Шостакович – ему разрешено писать любую музыку, его избирают первым секретарем Союза композиторов, дают Ленинскую премию, но зато он подписывает любые письма, в которых дается партийный разнос тем или иным событиям или лицам. («Чем больше я подпишу, – объяснял он друзьям, – тем менее ценна моя подпись»). Не избежала тенденции к вождизму и психология. Счастье, что на роль вождей вышли влюбленные в психологию действительно мощные ученые и организаторы. В Москве признанным лидером стал А.Н. Леонтьев – а ведь в чем только до этого его ни обвиняли, а потом дали Ленинскую премию. В Ленинграде позицию вождя занял Б.Г. Ананьев, которому ранее и пришлось отречься от бехтеревщины, и писать о «высшем проявлении твердости характера величайшего стратега и вождя народов – И.В. Сталина» (Ананьев, 1945, С.158), но при этом невероятным образом остаться беспартийным.

Расцвет

Наконец, настала оттепель. Еще полны сил вожди психологии и их соратники. В науку приходят новые люди – первые выпускники психологических отделений вузов. Это ведет к прорыву

Б.Ф. Ломов и Б.Г. Ананьев

ву – и научному, и организационному. Издается ряд великих книг мэтров советской психологии (Леонтьев, 1959, 1975; Ананьев, 1960, 1968 и др.). В 1966 г. открываются факультеты психологии в Москве и Ленинграде. В Москве проводится XVIII Международный психологический конгресс. То, что было под запретом, появляется вновь без излишнего шума и зачастую под новыми именами. Но вначале все опробуется в Ленинграде, подальше от государственной машины, а уже потом возникает в Москве: лаборатория инженерной психологии (Б.Ф. Ломов, Ленинград, 1959 г.; В.П. Зинченко, Москва, 1961), кафедра социальной психологии (Е.С. Кузьмин, Ленинград, 1968; Г.М. Андреева, Москва, 1972). Когда Б.Г. Ананьев начинает применять в своих комплексных исследованиях зарубежные психологические тесты, в Москве поначалу к этому вообще отнеслись с испугом – ведь еще никто не отменял

санию). Ленинградская школа все более становится «ананьевской» с ее направленностью на комплексное эмпирическое изучение всех возможных свойств человека и на этой основе построения целостного описания человека (направленность снизу – вверх, от эмпирики – к описанию). Это различие было хорошо заметно на самых первых конференциях, в которых принимали участие студенты факультетов психологии Москвы и Ленинграда. Московские студенты, как правило, долго объясняли, с какой целью они проводили исследование, но было неясно, как они его проводили и что получилось. Ленинградские – подробно описывали дизайн и результаты исследования, но редко могли сказать, зачем они его провели.

Разумеется, такое разделение двух школ не было абсолютным. В Петербурге Л.М. Веккер строит единую теорию психических процессов и пытается

Московские студенты, как правило, долго объясняли, с какой целью они проводили исследование, но было неясно, как они его проводили и что получилось. Ленинградские – подробно описывали дизайн и результаты исследования, но редко могли сказать, зачем они его провели

Постановление 1936 г.

Усиливается различие между психологическими школами. Московская школа все более и более становится «леонтьевской» с ее направленностью на описание целостного человека с позиции теории деятельности (направленность сверху – вниз, от теории – к опи-

из теории выводить все многообразие психических явлений. А в Москве ученица С.Л. Рубинштейна К.А. Абульханова-Славская критикует «так называемый деятельностный подход», поскольку он, мол, «опирается на упрощенные, статичные и обедненные схемы, которые никак не могут охватить реального много-

образия» (Абульханова-Славская, 1980, С. 325). Тем не менее, указанные тенденции весьма заметны.

По приглашению Б.Г. Ананьева, в конце 1960-х на факультете психологии в Ленинграде перед студентами выступали А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия. Это произвело сильное впечатление на всех нас, ленинградских студентов. Вдруг ко мне подошел однокурсник и сказал с изумлением в глазах: «Представляешь, я услышал, как Леонтьев в беседе с Лурией отзывался о БГ (так студенты называли Ананьева, то ли БоГ, то ли Борис Герасимович). Он назвал его эмпириком!». Сегодня мне, однако, кажется, что если Ананьева и можно назвать эмпириком, то эмпириком поневоле, – его тянуло к философским обобщениям, к ноосфере Вернадского и Тейяра де Шардена. Просто он не видел иного надежного пути в эти дали, кроме анализа и последующего синтеза эмпирического материала, в надежде все-сторонне охватить «феномен человека». Эмпирические данные были для него лишь поводом для размышлений. Никакой конкретный факт сам по себе, похоже, не поражал его воображение.

Иное дело – А.Н. Леонтьев. Его ранние работы и рассказы его учеников говорят как раз об его увлеченности конкретными эмпирическими явлениями. Мне кажется, что в глубине души он был, прежде всего, талантливым экспериментатором (в разговоре со мной с этим согласился его сын А.А. Леонтьев). Но позиция вождя, за которую, судя по воспоминаниям В.П. Зинченко, он активно боролся, требовала от него более мощных высказываний. И это (вкуче с общей идеологической атмосферой) во многом определяло некую загадочность и избыточную философичность его произведений. Там, где он пишет о фактах, он понятен и ярок. Но некоторые другие его тексты, на мой взгляд, если и поддаются расшифровке, то с превеликим трудом. И, судя по всему, автором так и было задумано. Зинченко цитирует В.И. Аснина, говорившего Леонтьеву: «одно из двух: ты или сам не понимаешь, а только делаешь вид, что ты понимаешь, или понимаешь, но не хочешь сказать» (Зинченко, 2002). А Б.М. Величковский рассказывал, что когда он принес Леонтьеву свою первую статью, тот просмо-

Б.Ф. Ломов со студентами

Для цитирования: Аллахвердов В.М. Психологические школы Москвы и Петербурга – от противостояния к дружбе // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

For citation: Allakhverdov V.M. (2016). Moscow and St. Petersburg psychological schools: from opposition to friendship. National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal], 3, 36–44. doi: 10.11621/npj.2016.0305

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

трел ее и сказал, что так писать нельзя, поскольку в научной статье не должно быть все понятно.

Первые студенты факультетов психологии – как правило, энтузиасты, решившие посвятить себя еще никому не ведомой профессии и жаждущие нового. Вспоминаю, что своих однокурсников чаще встречал даже не на лекциях, а в Публичной библиотеке. Среди первых выпускников и в Москве, и в Ленинграде – обилие профессоров, во многом определяющих сегодня лицо отечественной науки. Москвичи подчеркивают, что А.Н. Леонтьев специально отбирал талантливую молодежь и «большинство тогда молодых преподавателей (а ныне докторский корпус факультета) был набран А.Н. Леонтьевым в ходе работ летних и зимних психологических школ» (Петренко, 2006). Ленинградцы вспоминают, что Б.Г. Ананьев сам участвовал в приеме студентов на первый курс, сам проводил собеседование с каждым и включал студентов всех курсов в комплексное психологическое обследование.

Москвичи помнят такие формы студенческой активности, как смотры художественной самодеятельности, например, спектакль о стране Психоландии, где после смерти короля Эпифеноменалиа молодой принц – новый король – осматривает свои владения – психологические лаборатории (Логонова, 2006, С. 93). Ленинградцы вспоминают студенческий клуб «Леонардо», в деятельности которого (а это – 1971-73 гг.) было гораздо больше политического фрондерства (все-таки дальше от столицы): студенты организовали вечер памяти Манделштама, первые выставки живописи Петербургского андеграунда, пели со сцены А. Галича. Потрясенные тем, что партбюро обязало снять повешенный ими на факультете плакат «Хоть Фрейдом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» (о, времена, о, нравы!), студенты поставили в ответ балет «К критике фрейдизма». (Видевшие этот балет до сих пор вспоминают «танец маленьких либидо»).

В Москве в 1972 г. впервые в системе Академии наук СССР создается Институт психологии, его директором назначается первый декан ленинградского факультета психологии ученик Б.Г. Ананьева

Б.Ф. Ломов. Он в 1967 г. занял пост заведующего отделом науки Министерства просвещения СССР. Е.П. Ильин полагал, что Б.Г. Ананьев, отправляя Ломова в Москву, избавлялся от конкурента за лидерство в Ленинградской школе. Я же все-таки думаю, что Б.Г. Ананьев в большей степени надеялся на распространение своих идей и на создание института человека, о котором мечтал. А В.П. Зинченко утверждал, что А.Н. Леонтьев, немало способствовавший созданию Института психологии, хотел сам стать в его главе, а Б.Ф. Ломова сделать деканом московского факультета. Как бы то ни было, но появление академического Института психологии было большим организационным успехом, приведшим в последующем к серьезным научным достижениям. С первых дней своего существования Институт сотрудничает, в частности, с Центром подготовки кос-

Первые студенты факультетов психологии – как правило, энтузиасты, решившие посвятить себя еще никому не ведомой профессии и жаждущие нового. Вспоминаю, что своих однокурсников чаще встречал даже не на лекциях, а в Публичной библиотеке. Среди первых выпускников и в Москве, и в Ленинграде – обилие профессоров, во многом определяющих сегодня лицо отечественной науки

монавтов и проводит уникальные исследования, в которых участвовали психологи из разных городов страны, в том числе из Ленинграда.

Однако наступает период, когда уходят титаны. В 1972 г. умирает Б.Г. Ананьев. Я помню возникшее всеобщее потрясение и растерянность. С обширным инфарктом Ананьева увезли прямо с факультета. Но даже в этот момент он проявил величайшее самообладание и служение науке. Вспоминает М.В. Осорина: «Он знал, что надежды для него нет. И предложил преданным ему сотрудницам воспользоваться ситуацией, раз ничего другого сделать было нельзя, и провести на нем замеры психофизиологических параметров в процессе умирания, поскольку это редкий случай для исследователя, а он – хорошо подготовленный испытуемый, способный дать подробный самоотчет. Говорили, что в слезах они согласились» (Осорина и др., 2015). Через три дня его не стало. В 1973 г. уходит В.Н. Мясичев. В 1977 г. не стало А.Р. Лурии. Смерть в 1979 г. А.Н. Леонтьева для мо-

сковского университета стала страшным ударом – «Факультет быстро посерел», – писал Б.М. Величковский. Н.Ф. Талызина считает, что: «Все последующие деканы не могли сравниться с А.Н. Леонтьевым ни по научному потенциалу, ни по авторитету» (Логонова, 2006, С. 93). Да и вся страна переходит в состояние застоя.

От хаоса к сближению

В застое все кошки серы. Различие школ ослабляется – в застое не приняты акценты, не принято поощрять лидеров, отстаивающих свою позицию. А тут еще А.Н. Леонтьева на посту декана московского факультета сменяет очень осторожный ленинградец А.А. Бодалев. Все перепутывается.

Перестройка открывает шлюзы. Психологи получают доступ к западной ли-

тературе. Москву и Петербург посещают звезды мировой величины. Отечественные психологи активно учатся различным практическим технологиям, давно известным за рубежом, но впервые пришедшим в Россию, создают свои собственные технологии. Ну, а начало «лихих 90-х» дает вообще потрясающую свободу – все позволено.

Психологи-практики вдруг оказываются востребованными в самых разных сферах. Престиж психологии поднимается на невиданную высоту. Бурно растет число психологических факультетов. Расцветают немыслимые ранее подходы: экзистенциальная психология, христианская психология, гештальт-терапия и др. Президент страны Б.Н. Ельцин неожиданно подписывает указ о государственной поддержке психоанализа. В хаосе каждый вынужден рассчитывать только на себя – начинается регионализация психологии, которая усиливается обидой провинциалов на то, что более всего организационную и финансовую поддержку получают столичные психо-

логи. Существовавшие ранее научные школы во многом размываются.

Но при этом начинает разрушаться и существовавшая ранее система подготовки психологов. Если в 1970–80-е гг. в Петербург со всей страны приезжали смотреть, как поставлен экспериментальный

Все же, на фоне хаоса начинается постепенное сближение московской и петербургской психологических школ как двух крупнейших в России. В 1998 году подписывается соглашение, утверждающее вхождение Санкт-Петербургского психологического общества в Россий-

Зимние психологические школы, организованные студентами петербургского университета, собирают до 400 студентов из разных городов России, в том числе, разумеется, и из Москвы, в работе этих школ принимают участие многие московские специалисты. Наконец, в 2009 г. на встрече ведущих преподавателей кафедр общей психологии МГУ и СПбГУ подписывается Меморандум, где объявляется, что между двумя школами не существует никакого противостояния, а лишь одна взаимная любовь и уважение

практикум, то к концу 1990-х смотреть было уже не на что – все было разрушено. Профессионалы с нарастающим ужасом обнаруживали, до какого низкого уровня может прийти подготовка психологов в некоторых провинциальных и коммерческих институтах. Под психологов начинают рядиться колдуны, экстрасенсы, астрологи и прочая «нечисть». Стало ясно, что необходим процесс консолидации. В 1994 году создается Российское психологическое общество (РПО) как преемник Общества психологов СССР. Однако декан факультета психологии СПбГУ А.А. Крылов не видит смысла во вхождении в РПО и создает независимое Санкт-Петербургское психологическое общество.

Московские профессора приглашаются для выступлений в Петербург, а петербургские – в Москву. Зимние психологические школы, организованные студентами петербургского университета, собирают до 400 студентов из разных городов России, в том числе, разумеется, и из Москвы, в работе этих школ принимают участие многие московские специалисты. Наконец, в 2009 г. на встрече ведущих преподавателей кафедр общей психологии МГУ и СПбГУ подписывается Меморандум, где объявляется, что между двумя школами не существует никакого противостояния, а лишь одна взаимная любовь и уважение (Аллахвердов, Братусь, 2009).

Конечно, разница сохраняется. В Москве намного больше, чем в Петербурге, и психологов, и психологических организаций. Москвичи, как правило, занимают ключевые посты во всех республиканских органах, связанных с психологией. Но консолидация психологов в Петербурге сильнее. В 2000-е годы психологов, объединенных в Санкт-Петербургское психологическое общество, почти в два раза больше, чем членов Московского психологического общества. И именно в Петербурге с 1999 г. проходит Национальный психологический конкурс «Золотая Психея», в котором участвуют психологи всей страны.

Разница сохраняется и в подходах к науке. Москвичи в своих исследованиях чаще ставят более крупные проблемы и до сих пор опираются на масштабные идеи Выготского-Леонтьева. Петербуржцы более конкретны, более эмпиричны, но все-таки продолжают с тоской и надеждой думать о создании общей концепции человека, к чему их призывал Б.Г. Ананьев.

И все это – как раз те односторонности, которые должны образовать прекрасное целое, привив друг другу то, что в них есть лучшего.

*Поддержано грантом РГНФ
№ 16-06-00858-а (рук. В.М. Аллахвердов)*

Литература:

- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – Москва : Наука, 1980.
- Аллахвердов В.М. Санкт-Петербург как парадокс мировой культуры // Аллахвердов В.М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. – Санкт-Петербург : Формат, 2009. – С. 245–254.
- Аллахвердов В.М., Братусь Б.С. Меморандум зеленогорской встречи московских и петербургских психологов // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 173.
- Ананьев Б.Г. Очерки психологии. – Ленинград : Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1945.
- Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1960.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
- Белинский В.Г. Петербург и Москва // Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. – Москва : Гослитиздат, 1948.
- Бехтерев В.М. Автобиография // Избранные труды в 2-х тт. Т. 1. – Москва : Алетея, 1994.
- Братусь Б.С. Образ человека в психологии России XX века // Развитие личности. – 2005. – № 3. – С. 121–136.
- Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 тт. Т. 8. – Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 177.
- Ждан А.Н. Великолепный представитель человеческого рода // Челпановские чтения. 2010. Т. 1. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011 – С. 5–13.
- Зинченко В.П. «Да, очень противоречивая фигура...» : интервью В.П. Зинченко; беседу вели Е.Е. Соколова, Е.А. Загряжская. 2002. – Электронный ресурс. – Режим доступа : http://www.anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-zinch.htm#_ftn1 (дата обращения: 13.10.2016).
- Зинченко В.П. К 80-летию харьковской психологической школы // Вопросы психологии. – 2012. – № 6. – С. 133–148.
- Интервью с профессорами МГУ / В.Ф. Петренко и др. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. – № 4. – С. 91–109.

- Карвасарский Б.Д., Подсадный С.А., Чернявский В.А., Чехлатый Е.И. Жизнь и деятельность В.Н. Мясищева (к 120-летию со дня рождения) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 2. – С. 107–112.
- Корсаков С.Я. Новые факты об А.Б. Залкинде // Философские науки. – 2010. – № 4. – С. 51–55.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1959.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1975.
- Лурия А.Р. Этапы пройденного пути : научная автобиография. – Москва : МГУ, 1982.
- Осорина М.В., Бочищева Л.В., Даниленко О.И. «Золотой век» жизни факультета психологии ЛГУ времен Б.Г. Ананьева: воспоминания трех сокурсниц // Вестник СПбГУ. Сер. 16. – 2015. – Вып. 4. – С. 201–218.
- Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 тт. Т. 7. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1964.

References:

- Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1980) Activities and Personality Psychology. Moscow, Nauka.
- Allakhverdov, V.M. (2009) St. Petersburg paradox of the world culture. [Razmyshlenie o naukepsikhologii s vosklitsatel'nyim znakom]. St. Petersburg, Format, 245-254.
- Allakhverdov, V.M., & Bratus, B.S. (2009) Zelenogorsk meeting memorandum Moscow and St. Petersburg psychologists. [Voprosy psikhologii]. 4, 173.
- Ananiev, B.G. (1945) Essays in psychology. Leningrad, Leningradskoegazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo.
- Ananiev, B.G. (1960) The psychology of sensation and perception. Moscow, Izdatel'stvo Akademiipedagogicheskikh nauk RSFSR.
- Ananiev, B.G. (1968) Man as an object of knowledge. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta.
- Belinskiy, V.G. (1948) Petersburg and Moscow. [Sobraniesochineniy]. Vol. 2. Moscow, Goslitizdat.
- Bekhterev, V.M. (1994) Autobiography. [Izbrannyetrudy]. V.1. Moscow, Aleteiya.
- Bratus, B.S. (2005) The image of the human psychology of 20th century. [Razvitielichnosti]. 3, 121-136.
- Gogol, N.V. (1952) 1836 Petersburg notes. [Polnoesobraniesochineniy]. Vol. 8. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 177.
- Karvasarskiy, B.D., Podsadnyy, S.A., Chernyavskiy, V.A., & Chekhlatyy, E.I. (2012) Life and work of V.N. Myasishchev (the 120th anniversary of birth). [Obzreniepsikhiiatrii i meditsinskoypsikhologii]. 2, 107-112.
- Korsakov, S.Ya. (2010) New facts about A.B. Zalkind. [Filosofskienauki]. 4, 51-55.
- Leontiev, A.N. (1959) Issues of the human psychodevelopment. Moscow, Izdatel'stvo APN RSFSR.
- Leontiev, A.N. (1975) Activities. Consciousness. Personality. Moscow, Politizdat.
- Luria, A.R. (1982) Stages of the traversed path: scientific autobiography. Moscow, MGU.
- Osorina, M.V., Bochischeva, L.V., & Danilenko, O.I. (2015) «Golden Age» of Faculty of Psychology, Leningrad State University, at times of B.G. Ananiev: three classmate memories. [Vestnik SpbGU]. Series 16, Vol. 4, 201-218.
- Petrenko, V.F. et al. (2006) Interview with professors of Lomonosov Moscow State University. [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 3, 4, 91-109.
- Pushkin, A.S. (1964) The journey from Moscow to St. Petersburg. [Polnoesobraniesochineniy]. Vol. 7. Moscow, Izdatel'stvo Akademiinauk SSSR.
- Velichkovskiy, B.M. (2002) Man for All Seasons: the 100th anniversary of Alexander Romanovich Luria's birth. - Electronic resource. - Access: http://thepsy.narod.ru/indexfiles/ucheb_mat/07.html (reference date: 10.15.2016).
- Zinchenko, V.P. (2002) «Yes, a very controversial figure...». Interview with V.P. Zinchenko conducted by E.E. Sokolova, E.A. Zagryazhskaya. - Electronic resource. - Access: http://www.anleontiev.smysl.ru/vospomin/i-zinch.htm#_ftn1 (reference date: 10.13.2016).
- Zhdan, A.N. (2010) Great representative of the human race. [Chelpanovskiechteniya]. Vol. 1. St. Petersburg, Nestor Istoriya 2011, 5-13.
- Zinchenko, V.P. (2012) On the 80th anniversary of the Kharkov psychological school. [Voprosy psikhologii]. 6, 133-148.